

31 марта 2006-го в 18.20 редактору «Акции» Анне Гилёвой пришло письмо от поэта Дмитрия Воденникова. Письмо началось словами: «У меня есть к Вам странное предложение...» «Я знаю, что вы стихи не печатаете, — писал Дмитрий Воденников, — но газета у вас очень живая, существующая как хочет. И поэтому я хочу предложить вам этого «нового воденникова»».

рисунок Алла Горюва

Речь шла о новом стихотворении поэта, первом после годичного перерыва.

«Оно какое-то для меня небывалое и оно больше, чем стихотворение. Это в принципе манифест...
...Мне важно, чтоб оно было напечатано именно в ТЕКУЩИЙ апрель. Мне всегда была важна эта синхронность. Потому что только так стихи живут ПО-НАСТОЯЩЕМУ. И меняют жизнь.

Потом его, разумеется, напечатают («Новый мир» или еще какая-то богадельня...)
Но стихи должны быть В ГАЗЕТЕ.
Это единственно верная традиция.
Еще со времен Блока и потом к Маяковскому...»

Черновик

*потому что стихи не растут как приличные дети,
а прорастают ночью, между ног,
и только раз рождаются в столетье
поэт-дурак, поэт-отец, поэт-цветок*

1.
Да, вот именно так (а никак по-другому)
ушла расплевавшись со всеми моя затяжная весна,
и пришла — наконец-то — моя долгожданная зрелость.
Только что ж ты так билось вчера, мое сытое хитрое сердце,
только что ж ты так билось, как будто свихнулось с ума?

...Я стою на апрельской горе — в крепкошитом военном пальто,
у меня есть четыре жизни (в запасе), у меня есть письмо от Оли:
«Здравствуй, — пишет мне Оля, — я серьезно больна,
И у меня нет жизни в запасе. Завтра у меня химиотерапия.
Однако я постараюсь выжить, я буду бороться.
Ты же — постарайся быть счастливым.
Живи, по возможности радостно.
И ничего не бойся». — Ну вот я и стараюсь.

2.
Ну так вот и *старайся* — вспотевший, воскресший, больной
записать эту линию жизни на рваной бумаге
(электронной, древесной, зеленой, небесной, любой)
и за это я буду тебе — как и все — благодарен.

Сколько счастья вокруг, сколько сильных людей и зверей! —
... вот приходит Антон Очиров, вот стрекочет Кирилл Медведев,
а вот человек (пригревшийся на раскаленном камне),
несколько лет нёсший возле меня свою добровольную гауптвахту,
с переломанной в детстве спиной, сам похожий на солнечную саламандру,
на моё неизменное: «бедный мой мальчик»,
отвечавший —
«нет, я счастливый»...

3.
Эти люди стоят у меня в голове,
кто по пояс в земле, кто по плечи в рыжей траве,
кто по маковку в смерти, кто в победе своей — без следа.
Эти люди не скоро оставят меня навсегда.

Ну а тех, кто профукал свою основную житейскую битву
кто остался в Израиле, в Латвии, в Польше, в полях под Москвой,
мы их тоже возьмем — как расстрелянную голубику
на ладонях, на солнечных брюках и юбках, — с собой.

4.
... Мы стоим на апрельской горе — в крепкошитых дурацких пальто,
Оля, Настя и Рома, и Петя и Саша, и хрен знает кто:
с ноутбуком, с мобильным, в березовой роще, небесным столбом,
с запрокинутым к небу прозрачным любимым лицом
(потому что все люди — с любимыми лицами — в небо столбы).
Я вас всех научу — говорить с воробьиной горы.

5.
Здравствуйте, — скажет один. — Я единственный в этой стране
защищавший поэзию от унижения,
наконец-то готов подписаться под тем, в чём меня упрекали:
— Да, это всё не стихи,
это мой живой, *столько-то-летний* голос,
обещавший женщине, которую я любил, сделать ее бессмертной,
а не сумевший сделать ее даже мало-мальски счастливой...

— Здравствуйте, — скажет второй, — если когда-нибудь в дымный апрель
выпив полбутылки мартини (или чего вы там пьете?)
вы вдруг вспомните обо мне, затосковав о своей несбывшейся жизни, —
**НЕ СМЕЙТЕ ОТКРЫВАТЬ МОИ КНИГИ,
НЕ СМЕЙТЕ ВОСКРЕШАТЬ МОЙ РАССЫПАННЫЙ ГОЛОС,
НЕ НАДО БУДОРАЖИТЬ МОЙ ПРАХ.**

— Потому что я любил вас гораздо больше, чем вы меня, — скажет четвертый, —
да и нужны вы мне были, гораздо больше, чем я был вам нужен,
и поэтому я не буду вырывать у вас палочку победителя.
(да и какой из меня теперь победитель?)

6.
...Однако,
так как на роль человека с трудной мужской судьбой претендую всё-таки я,
то всё что останется мне — это выйти вперед,
наклониться к людям (ближе других) и сказать:
— Дорогие мои, бедные, добрые, полуживые...
Все мы немного мертвы, все мы бессмертны и лживы.
Так что постарайтесь жить — по возможности — радостно,
будьте, пожалуйста, счастливы и ничего не бойтесь
(кроме унижения, дряхлости и собачьей смерти,
но и этого *тоже* не бойтесь).

7.
Потому что всех тех, кто не выдержал главную битву,
кто остался в Париже, в больнице, в землянке, в стихах под Москвой,
все равно соберут, как рассыпанную землянику,
а потом унесут — на зеленых ладонях — домой.

Дмитрий ВОДЕННИКОВ